

Вейссель А.

ЗЕЛЕНЬИ АВТОМОБИЛЬ

ЗОЛОТОЙ ВЕК ДЕТЕКТИВА

Золотой век детектива

Август Вейссель

Зеленый автомобиль

«Public Domain»

УДК 821.112.2(436)

ББК 84(4Авс)

Вейссель А.

Зеленый автомобиль / А. Вейссель — «Public Domain»,
— (Золотой век детектива)

ISBN 978-5-501-00211-1

Август Вейссель – австрийский писатель и журналист; в начале XX века работал репортером уголовной хроники, где черпал сюжеты для своих произведений на криминальную тему. Российскому читателю он практически неизвестен, поскольку на русский язык была переведена всего одна его книга, да и та увидела свет почти сто лет назад – в 1913 году. Роман «Зеленый автомобиль», представленный в этом томе, начинается со странного происшествия: из письменного стола высокопоставленного и влиятельного генерала похищены секретные документы. Доктор Лео Шпехт, бывший комиссар венской тайной полиции, день и ночь ломает голову над разгадкой этого дела. Таинственная незнакомка, пригласившая комиссара на бал, пытается сообщить ему важную информацию, но во время их разговора собеседницу Шпехта извещают о произошедшем убийстве, и она спешно покидает праздник на загадочном зеленом автомобиле. Заинтригованный этим обстоятельством, комиссар приступает к расследованию.

УДК 821.112.2(436)

ББК 84(4Авс)

ISBN 978-5-501-00211-1

© Вейссель А.

© Public Domain

Содержание

Глава I	5
Глава II	9
Глава III	14
Глава IV	20
Глава V	26
Глава VI	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Август Вейссель

Зеленый автомобиль

Глава I

Доктор Лео Шпехт, комиссар венской тайной полиции, бросил последний взгляд в зеркало.

Все было безукоризненно! Фрак сидел превосходно, кончики черных усов мягко и изящно загибались кверху, накрахмаленная рубашка облегла его, точно панцирь.

– Тор-реадор, смелее в бой, – вполголоса пропел комиссар, улыбаясь собственным мыслям. Затем он наполнил свой блестящий серебряный портсигар, sprыснул себя духами, накинул на плечи шубу и, взяв со стола пару белых лайковых перчаток, легкой походкой вышел из комнаты. – В Софийский зал, – приказал он поджидавшему его извозчику. Сидя в экипаже, мягко и бесшумно катившем на своих резиновых шинах, доктор Шпехт откинулся в угол и принялся задумчиво смотреть на мелькавшие за стеклами густые хлопья снега.

Несмотря на то что сам он давно вышел в отставку, мысли его всецело были заняты сенсационным делом, приковывавшим к себе вот уже несколько недель общественное внимание.

Из письменного стола высокопоставленного и влиятельного генерала были украдены важные документы, и до сих пор не удалось напасть на след преступника.

Образ действий вора являлся крайне загадочным. Генерал работал до позднего вечера у себя в кабинете, после чего запер бумаги в ящик письменного стола. Часа через два начался съезд гостей, так что квартира, за исключением рабочего кабинета, была полна народа, когда же генерал вошел в кабинет, чтобы снова приняться за работу, бумаг уже не было. Следовательно, они пропали в то самое время, когда дом был полон гостей.

Между тем в списке приглашенных были лишь офицеры и лица, которые не могли вызвать ни малейших подозрений.

Доктор Шпехт нетерпеливо провел рукой по лбу. И зачем только эти мысли лезли ему в голову! Ну их совсем! Разве он не ехал теперь в Софийский зал, где ему предстояло провести чудесный вечер?

Маленьким надушенным письмом ему назначали свидание. Не подлежало сомнению, что письмо было написано женщиной из высшего общества – на это указывали прямой, крупный почерк, изысканная бумага, своеобразный слог и едва уловимый нежный запах духов.

Странное приключение!.. Около недели назад он неожиданно получил письмо. Незнакомая женщина, подписавшаяся «Долорес», вдруг завязала с ним письменно странную болтовню. Почему? Потому, писала она, что ей скучно и что она слышала о нем как об умном, интересном человеке. Польщенный комиссар любезно ответил, что предпочитает личное свидание переписке. Но незнакомка и слышать об этом не хотела... Наконец пришла сегодняшняя записка с назначением свидания, и Шпехту предстояло увидеть воочию свою анонимную корреспондентку.

Экипаж остановился у зала, и звук отворяемой дверцы вывел комиссара из задумчивости. Осторожно, чтобы не запачкать новые лакированные сапоги, прыгнул через лужи на тротуаре и вошел в вестибюль. Здесь он мимоходом кивнул почтительно поклонившемуся ему агенту Губеру и смешался с толпой.

Его окружил хоровод масок.

Праздник был в полном разгаре. Шуршали шелка, сверкали бриллианты, за таинственными масками горели и смеялись красивые женские глаза... Смех, шепот, говор звучали

вокруг, он на лету перехватывал веселые шутки, любезные взгляды. А там, около эстрады, должна была ждать его она...

С трудом удалось ему проложить себе дорогу к эстраде. Около ее ступенек он остановился и принялся ждать. Легкий удар веером по руке заставил его обернуться.

– Bravo, доктор! Вы пунктуальны, как, впрочем, все, имеющие касательство к полиции.

Перед ним стояла высокая, стройная женщина, тщательно укутанная в тяжелое черное шелковое домино. Большие черные глаза ярко блестели в отверстиях маски.

Доктор Шпехт любезно поклонился.

– Долорес? – вопросительно произнес он.

Маска утвердительно кивнула.

– Надеюсь, мое появление не принесло с собой разочарования?

– Конечно нет! К тому же я тебя почти не вижу.

У маски вырвался высокомерный жест, но она овладела собой и тихо рассмеялась.

– Ах да... Я и забыла... маскарадный обычай говорить «ты». «Ты» – это ужасно забавно!

Мы совсем не знаем друг друга и должны быть на «ты».

– Позволь, пожалуйста, – перебил доктор, – я тебя не знаю – это точно, но тебе-то я наверно знаком.

– Нет. Я вижу тебя сегодня в первый раз. Я знаю про тебя лишь то, что ты имеешь касательство к полиции. Впрочем, об этом ты сам говорил в своем письме.

– А я и того про тебя не знаю, а только предполагаю!

– Что же именно?

– Прежде всего то, что ты не искательница приключений. Затем думаю, что не ошибусь, если скажу, что ты женщина из общества, обладаешь большим вкусом, пожалуй, еще то, что ты иностранка и живешь в центре города.

– Откуда ты все это знаешь?

– Из твоих писем. У тебя попадаются обороты речи, которые не могут принадлежать венке. Все твои письма опущены в один и тот же почтовый ящик на углу Максимилиановской улицы. Следовательно, ты живешь где-нибудь поблизости. Впечатление же, которое производишь ты сама, вполне подтверждает выводы, сделанные мной на основании твоего почерка, бумаги, духов и прочих мелочей.

– О, да вы, полицейские, опасный народ, – тихо рассмеялось домино. – В каждом из вас сидит маленький Шерлок Холмс. А должно быть, интересно играть роль сыщика в деле, в котором лично заинтересован. Будь я женщиной, я непременно бы занялась открытием какого-нибудь крупного таинственного преступления. Это должно страшно захватывать. Скажи, пожалуйста, ты не имеешь никакого касательства к этой... итальянской истории?

– Что ты хочешь сказать?

– Ах, боже мой... Я говорю про это дело, которым теперь полны все газеты.

– Так... Самое отдаленное, – небрежно ответил Шпехт. Он не находил нужным сообщать совершенно незнакомой ему женщине, что вот уже неделю, как занят этим делом исключительно и день и ночь ломает себе голову над его разгадкой.

– В таком случае я могу тебе сообщить кое-что интересное... Но с условием, что ты будешь умником.

Слова эти пробудили в Шпехте совсем было задремавшего криминалиста. Так вот оно что!..

Он бросил испытующий взгляд на молодую женщину, смотревшую на него со спокойной улыбкой.

Хм... домино ее не было взято напрокат... тяжелый шелк... настоящие кружева... узкая, изящная обувь, наверно, от первого мастера в городе... все было выдержано и элегантно, но, увы, не давало никаких данных, на основании которых он мог бы делать выводы.

Нашел!.. На носовом платке, который она сжимала в руке, он вдруг увидел буквы «Р. С.» под маленькой короной. Он совершенно явственно различил обе буквы!

Черное домино продолжало с улыбкой смотреть на комиссара.

– Не старайся напрасно, доктор, – проговорила наконец молодая женщина, – все равно ничего не найдешь.

– Может быть, я уже нашел!

– Платок? Полно... не так же я неосторожна.

– Разве у тебя есть причины быть осторожной?

– Конечно, я вовсе не желаю, чтобы меня узнали.

Доктор Шпехт снова подозрительно взглянул на незнакомку.

– Эй, не смотри так строго, – со смехом проговорила она, – не хочешь ли ты меня арестовать?

Но комиссар не поддержал шутки.

– Что ты хотела сообщить мне относительно дела?

– Ага! Заинтересовался! Я хотела только дать тебе маленький толчок в правильном направлении. Слушай хорошенько – полиция идет по ложному следу!

– Каким образом?

– Очень просто. Вы подозреваете уважаемого офицера, человека порядочного до кончиков ногтей. Капитан, за которым вы так пристально следите...

– Откуда ты это знаешь? – воскликнул пораженный комиссар.

Он знал, что дело ведется под большим секретом и что, кроме трех-четырех агентов, никто не мог иметь сведений относительно мер, принимаемых для обнаружения преступника.

– Этого я не могу тебе сказать. Достаточно с тебя и того, что я это знаю. Я знаю даже больше, а именно: по этому пути вам никогда не дойти до намеченной цели.

– Если уж ты так хорошо осведомлена, то, может быть, скажешь мне, кто украл документы?

– Бумаги украдены во время бала одним из гостей, – прошептала незнакомка, близко наклоняясь к комиссару, – украдены человеком, носящим громкое имя, что не мешает ему быть последним негодяем. А если хочешь узнать еще больше, то наблюдай за домом номер 46 по Грильхоферштрассе.

В эту минуту к говорившей быстро подошло вынырнувшее из толпы розовое домино и, схватив ее за руку, сделало ей знак следовать за собой.

– Прости... я сейчас вернусь. – Молодая женщина подошла к розовой маске, которая в заметном волнении остановилась у дверей.

Доктор Шпехт внимательно следил за обеими.

Розовое домино тихо и взволнованно что-то говорило.

Незнакомка вздрогнула и схватилась рукой за сердце; Шпехт видел, как она пошатнулась и судорожно уцепилась за косяк двери, чтобы не упасть. Сдавленный крик сорвался с ее уст:

– Убили!

И она бросилась вон из комнаты. Окружающие видели всю эту сцену, слышали возглас и с удивлением смотрели вслед обеим маскам, спешившим по коридору в вестибюль.

Доктор Шпехт решил следовать за ними и с трудом стал протискиваться сквозь толпу, загородившую выход.

Что могло произойти? Кто убил или кого убили? Кто была таинственная женщина и что знала она о пропаже бумаг?

Что значило ее указание на Грильхоферштрассе?

Когда комиссару удалось добраться до коридора, то вдали он увидел обеих женщин, уже одетых в шубы.

Швейцар распахнул перед ними дверь.

Доктор Шпехт бросился догонять их, и, как был, без шубы и шапки, выбежал на улицу. Она была пуста, только чей-то зеленый автомобиль с бешеной скоростью обогнул угол улицы и скрылся из глаз.

Но куда же девались обе маски?

– Барыни уехали на автомобиле, – доложил швейцар.

– Номер?

– Не заметил, сударь.

– Но как же вы позвали автомобиль?

– Просто крикнул: «Зеленый автомобиль».

– Говорили дамы что-нибудь?

– Они, сударь, страсть торопились и волновались ужасно. Говорить-то они говорили, это точно, да только по-французски.

Доктор Шпехт на минуту задумался.

– Где у вас телефон?

– Наверху, в канцелярии.

Комиссар бросился вверх по лестнице.

На первой площадке он столкнулся с встреченным им уже раньше агентом Губером.

– Слава богу, наконец-то я нашел вас, господин доктор. Вот уж столько времени ищу вас, точно иголку в стоге сена. Десять минут назад вам звонили по телефону и просили немедленно ехать на Грильхоферштрассе, номер сорок шесть. Там произошло убийство.

– Убийство! На Грильхоферштрассе?! В номере сорок шесть? – закричал комиссар.

– Так точно, господин доктор. Господин начальник полиции изволил сам звонить.

Комиссар отер со лба крупные капли пота.

– Извозчика... скорей!

Минуту спустя Шпехт уже был в пути. Вдруг извозчик так внезапно остановил лошадь, что комиссар едва не упал с сиденья, – мимо, по направлению к городу, преграждая им путь, промчался автомобиль.

При свете уличных фонарей Шпехт мог видеть, как он несколько раз появлялся, пока не исчез в море домов. Это был... зеленый автомобиль.

Глава II

Перед домом номер 46 по Гриллихоферштрассе толпилось, несмотря на позднее время, множество народа. Наиболее любопытные влезали на карниз, чтобы через окно заглянуть в комнату.

Сплетничали, судачили, рассказывали всевозможные страшные происшествия последних лет. Спорили горячо, стараясь лишь говорить не особенно громко – ведь как-никак, а там, в доме, лежал мертвец. Правда, никто не знал его, не знал и подробностей его смерти, но дело само по себе было больно таинственным, даже страшным!

Перед домом стоял на страже полицейский, унимавший наиболее предприимчивых и любопытных.

От него-то доктор Шпехт и узнал, что именно произошло.

С час назад один из обитателей дома, живший на первом этаже, был найден мертвым, с простреленной головой.

Никто не слышал выстрела и не видел в квартире постороннего человека. Поэтому вначале думали, что имело место самоубийство, пока комиссия не установила несомненный факт убийства.

Комиссар поднялся по низенькой лесенке, ведущей в дом.

Две-три старухи и несколько человек домашней челяди, судачившей на пороге, указали ему дорогу. Он миновал переднюю, отделенную от кухни перегородкой из матовых стекол.

Сквозь полуоткрытую дверь доносились голоса. По всей вероятности, там-то и разыгралась кровавая драма.

Тусклая, коптящая маленькая лампочка и две мерцающие свечи освещали трепетным светом бедную, неприглядную обстановку комнаты.

Потолок и стены были грубо выкрашены одной краской, короткие грязно-белые занавески едва прикрывали треть окна. Две выгоревшие картинки религиозного содержания были прибиты над грубо сколоченной кроватью, около которой помещался железный умывальник с дешевеньким прибором.

Посередине комнаты стоял старый деревянный стол, вокруг него три соломенных стула, около стула, находившегося против окна, лежал на полу труп молодого человека в том самом положении, в каком был обнаружен.

Судя по платью, покойный был рабочим.

Лицо и руки были прокопченные и огрубевшие, как у человека, занимавшегося тяжелой грубой работой. Он лежал, вытянувшись во весь рост, на полу, не мытом, должно быть, уже несколько месяцев. Сбоку, на виске, виднелась маленькая круглая ранка с резко очерченными краями.

В комнате не было никого, кроме чинов полиции, составлявших протокол.

Посреди комнаты стоял начальник сыскной полиции Вурц, человек большой энергии и опыта, и отдавал распоряжения. Спокойно и внимательно изучал он обстановку, не упуская в то же время из виду ни одного движения своих подчиненных. Сразу было видно, что этот высокий, стройный человек чувствует себя хозяином положения.

Когда доктор Шпехт вошел в комнату, присутствующие как раз были заняты составлением протокола.

– Адольф Штребингер был убит выстрелом из револьвера, пулей девятимиллиметрового калибра, – диктовал один из полицейских.

– Постойте, – остановил его начальник тайной полиции, – эта рана не может быть нанесена оружием такого большого калибра.

С этими словами Вурц поднял лежавший на полу револьвер и поднес его к лампе.

– Ну, конечно, все патроны еще находятся в барабане.

Он посмотрел сквозь дуло на свет.

– Из этого револьвера вообще еще не стреляли.

Только теперь заметил он доктора Шпехта, выжидательно остановившегося у дверей.

– А, добрый вечер, доктор. Какова история! Вы уже знакомы с подробностями?

Комиссар ответил отрицательно.

Вот в кратких чертах картина преступления.

Часов в девять вечера сторож Штольценгрубер, находившийся на дежурстве, проходил мимо окна и случайно заглянул в него. Человек, лежащий теперь мертвым на полу, сидел за столом, а полчаса спустя сторож снова увидел его оживленно беседующим с элегантным господином в дорогой шубе.

Приблизительно в три четверти десятого хозяйка услышала глухой шум, словно от падения тяжелого тела. Послышавшийся затем стон заставил окончательно проснуться задремавшую было женщину, и она бросилась будить мужа. Тот постучался в комнату жильца и, не получив ответа, вошел. На него пахло холодным ночным воздухом. В комнате было темно. При слабом свете уличного фонаря увидел он своего жильца неподвижно лежащим на полу. Предполагая, что молодой человек находится в обмороке, он приподнял его, чтобы снести на кровать, и тут только понял, что держит на руках труп. Громко закричав от ужаса, зажег он огонь, нашел на полу около покойника знакомый уже читателям револьвер и послал жену за полицией, констатировавшей наличие преступления. По всей вероятности, преступнику удалось бежать через оставшееся открытым окно.

– Ну-с, теперь вы можете ориентироваться, – проговорил Вурц. – Вперед, за дело!.. Мы установили, что Адольф Штребингер убит не из этого револьвера. Что же следует дальше, а? Как вы думаете, – обратился говоривший к присутствующему в комнате полицейскому врачу.

– Могу только согласиться с вами. Пуля была малокалиберная и, пройдя через левый висок, вышла в правый.

– Все это хорошо, но где же пуля?

Полицейские тщательно осматривали стены.

– Здесь, – воскликнул доктор Шпехт, указывая на отверстие в картинной раме.

– Совершенно верно. Но если пуля попала сюда, то значит, стреляли оттуда. – И Вурц указал по ту сторону стола.

Затем, точно по наитию, он стремительно подошел к окну.

– Так я и думал!.. В комнате не стреляли! Выстрел был сделан с улицы. Видите вы эту дырку в ставне?

В ставне действительно можно было различить маленькое круглое отверстие – несомненный след выстрела.

– Теперь ясно, почему в доме никто не слышал, как стреляли.

В дальнейшем при составлении протокола выяснилась еще одна интересная подробность.

При убийстве найдены были две кроны мелкой никелевой монетой, несколько деловых писем, номер «Городских ведомостей» за двенадцатое января и еще какой-то клочок бумаги.

Начальник охранного отделения внимательно осмотрел его и бросил удивленный взгляд на доктора Шпехта.

На одной стороне листка было записано: «Завтра в половине десятого... 23, 5, 2, 27, 70, 32 и 11 – вызвать». На другой стороне стояло: «Совершенно очарованный вашей оригинальностью, всем сердцем стремлюсь познакомиться с вами лично и надеюсь, что вы скоро доставите мне случай заменить нашу письменную беседу – устной. Искренне уважающий вас доктор Лео Шпехт».

– Что такое? Доктор Лео Шпехт. Доктор, это ваша подпись?

Комиссар не верил собственным глазам, но сомнение было невозможно. Этот клочок бумаги был одним из его писем к таинственному домино, которое всего час назад обратило его внимание на дом номер 46.

Какое отношение могла иметь та великосветская женщина к холостому рабочему? Каким образом очутилось адресованное ей письмо в кармане убитого?

Комиссар в недоумении пожал плечами:

– Да, должен сознаться, что это часть моего письма, отправленного на днях...

– Кому?

– Одной даме, с которой я имел разговор сегодня вечером, но которую даже не знаю в лицо. Мне совершенно непонятно, как могло это письмо очутиться в кармане убитого. Могу я, господин начальник, попросить вас на минуточку в коридор, чтобы дать вам некоторые разъяснения?

Доктор Шпехт вкратце передал Вурцу все уже известное нашим читателям.

– Судя по облику этой женщины, я совершенно не могу понять, – заключил он, – что общего она имеет с этим человеком, принадлежащим, по-видимому, к низшему классу!..

– Объяснение найти не так трудно. Тут интересны два пункта: во-первых, что домино обратило ваше внимание на этот дом в связи с делом о пропаже бумаг, которое связывают со шпионажем; во-вторых, что, как доказывает ваше письмо, отношения между известными лицами, несомненно, существовали. Эти два пункта особенно важны для нас потому, что тот человек, там, в комнате, – присмотритесь-ка к нему хорошенько, – производит на меня весьма странное впечатление. А затем элегантный господин, с которым его видели и который так бесследно исчез? Ну да ладно, как-нибудь разберемся. Еще успеем поговорить. Сначала нужно все здесь закончить.

Начальник тайной полиции послал за хозяином квартиры. Мюллер, столяр по ремеслу, со страхом и трепетом явился на зов полиции.

– Слушайте, господин Мюллер, когда вы вошли в комнату, здесь было светло или темно?

– Темно, ваше благородие, только лампа-то, видно, только что погасла – еще чадила.

– Вы наверно это помните?

– Ну еще бы. От чада-то ведь дух стоял в комнате, да и фитиль-то еще малость светился.

А как стал я лампу зажигать, так стекло-то совсем еще теплое было.

– Давно ли приехал к вам Штребингер?

– Четвертого числа.

– Когда произошла кража у Гольмгорста? – вполголоса спросил Вурц комиссара.

– Четвертого вечером.

Начальник охранного отделения кивнул.

– Откуда взялся этот Штребингер?

– Он приезжий, ваше благородие, так, по крайней мере, он нам сказал.

– Так... Значит, вы точно помните все, что сказали нам относительно лампы! Фитиль не был завернут, не так ли? Хорошо, можете идти.

Мюллер вышел из комнаты.

– Из всего этого следует, господа, – проговорил начальник тайной полиции, – что после убийства кто-то еще находился в комнате. Предположение, что Адольф Штребингер сам погасил лампу, совершенно отпадает. Голова его была, следовательно, хорошо освещена, когда в него стреляли с улицы. Тот человек, который был свидетелем преступления, задул лампу. Так, по крайней мере, мне все это представляется.

– Простите, – вмешался начальник сыскной полиции Георг Шульц, – не могла ли лампа быть погашена сквозняком?

– Вряд ли. На других вещах и бумагах он ведь не оставлял следа. К тому же мне сдается, что незнакомец имел веские причины погасить свет, прежде чем выскочить в окно. Весьма

возможно, что он был сообщником убийцы. Иначе не понятно, почему он предпочел скрыться через окно, вместо того чтобы позвать на помощь. Доктор, будьте добры, продолжайте следствие, я дал вам в руки нить. Речь идет, как вы знаете, об элегантном господине с моноклем, в шубе, которого сторож Штольценгрубер видел здесь в комнате. Он должен был быть свидетелем преступления и, по-видимому, спасся через окно. Следовательно, с этой стороны вам и надо начать поиски.

Доктор Шпехт осмотрел окно, но не нашел ничего хоть сколько-нибудь примечательного. Затем он отворил ставни и, взяв лампу, осветил землю под окном. На ней ясно были видны следы.

Доктор Шпехт кликнул полицейского и прошел в сад.

От окна следы шли в другой конец сада.

Это были характерные следы бегущего человека, и притом мужчины. Размер шагов – около ста тридцати пяти сантиметров – и сильный нажим носка сравнительно с оттиском каблука ясно показывали, с какой поспешностью незнакомец бежал из дома.

Доктор Шпехт послал агента к хозяину квартиры с приказанием сварить клею, так как он хотел снять отпечаток следов, а сам медленно вернулся прежней дорогой.

След был от узкого небольшого сапога с тонкой подошвой и низкими каблуками и вполне мог принадлежать элегантному господину, которого сторож Штольценгрубер видел разговаривающим со Штребингером.

Доктор Шпехт отыскивал место, где беглец перелезал через забор сада, и внимательно осмотрел занесенные снегом ветви близстоящих деревьев. Затем он сам влез на дерево и стал разглядывать продолжение следов по узкой дорожке.

Они огибали дом и доходили до маленького, глухого переулка.

Отсюда они шли не направо, к Грильхоферштрассе, а как раз в противоположном направлении – к Зильбинггассе.

На углу Зильбинггассе находилась небольшая кофейная. Должно быть, посещалась она не особенно охотно, так как кельнерша стояла без дела на пороге и со скучающим видом смотрела на улицу.

При виде комиссара, шедшего по улице с небольшим фонарем в руках, она с любопытством сделала несколько шагов вперед и заговорила с ним.

– Послушайте, господин, никак вы что потеряли?

– Конечно, иначе не стал бы искать.

– Да что потеряли-то? Деньги или письмо? Коли письмо – так наш Францль тут нашел какое-то.

– Может, оно и есть.

Доктор Шпехт поспешно схватил письмо, которое тотчас узнал по адресу. В конверте находилась вторая часть его собственного письма к таинственному домино – дополнение к той, которая найдена была у убитого.

– Да, это мое письмо. Возьмите... вот вам на чай.

Он протянул девушке гюльден.

– Не могу ли я поговорить с вашим Францлем? – спросил он.

– Отчего же, можете. Зайдите, сделайте милость.

И девушка, радуясь, что ей удалось заполучить такого щедрого посетителя, поспешно открыла дверь кофейной.

Комиссара обдало тяжелым прокуренным воздухом.

Несколько подозрительных субъектов сидели в углу комнаты за столом и недоверчиво покосились на вошедшего.

– Ишь ты, гости-то у тебя сегодня какие важные, – обратился к хозяину пьяным басом один из присутствующих. – Может, и вы тут автомобиль поджидаете?

– Заткни глотку, – проревел хозяин, – чего мелешь-то с пьяных глаз.

Пьяный рассвирепел:

– Что такое? С пьяных глаз? Может, ты и пьян... да! Только не я, понял? Я знаю, с кем говорю. Барин-то, небось, не из полиции.

– Замолчи, Польдль, – вмешался в разговор один из сидевших за столом.

Шпехт прошел в глубину комнаты и, остановившись у стойки, заказал себе какую-то мелочь, пока девушка ходила за Францлем.

– Когда вы нашли письмо? – спросил его комиссар.

– Да, должно быть, часов в десять. Я, видите, шел по делу, гляжу, а оно и лежит на Зильбинггассе.

Становилось очевидным, что вторая половина письма была утеряна свидетелем преступления во время его стремительного бегства. Не заходил ли и он сюда?

Шпехт снова обратился к девушке:

– Ах да, чуть не забыл. Что, мой приятель – знаете, такой блондин, в шубе, который был здесь около девяти часов, – ничего не забыл у вас?

– Я спрошу хозяина.

– Не стоит. Мой приятель, верно, завтра сам сюда заедет. Что, он долго здесь пробыл?

– Так... с полчаса, пока за ним не приехал экипаж.

– Какой экипаж?

– Автомобиль... такой, зеленый.

Шпехта передернуло. Опять этот загадочный зеленый автомобиль! Снова какая-то связь с загадочным домино.

– Часто бывал здесь этот господин?

– Нет, всего три раза. Часов в шесть – в седьмом вчера и третьего дня. Потом как-то еще раз, только запамтовала, в какой день. Они все приезжали на зеленом автомобиле, на нем же и уезжали. Только вот вчера им ждать пришлось. Верно, шофера куда-нибудь посылали.

Комиссар задал еще несколько вопросов, но ничего нового ему узнать не удалось.

Когда доктор Шпехт вернулся к дому номер 46 по Грильхоферштрассе, его уже поджидал сыщик с банкой столярного клея.

Он выбрал наиболее ясно отпечатавшийся на снегу след, залил его клеем и через несколько минут осторожно вынул получившийся оттиск.

Затем он пошел в комнату, где как раз заканчивали протокол.

Он застал Вурца на коленях перед покойником и с губкой в руках.

– Нужно прекратить расследование в прежнем направлении, оно ни к чему не приведет, – проговорил начальник тайной полиции. – Этот закрашенный шрам на лбу, фиктивная грязь на руках укрепляют меня в моем первоначальном предположении: покойный никогда не назывался Адольфом Штребингером, как никогда не был рабочим.

Глава III

В последующие сорок восемь часов в полиции царило лихорадочное оживление.

Во все стороны рассылали сыщиков, строчили протоколы, а начальник тайной полиции Вурц с каждым часом становился мрачнее.

Все показания, которые удалось собрать, ничего нового не внесли. Штребингер жил очень уединенно, почти не имел знакомых, редко выходил из дома, обедал в маленькой гостинице на Грильхоферштрассе, где всегда расплачивался аккуратно, за столом сидел всегда один. Все это давало весьма точное представление об образе жизни убитого, но не проливало ни малейшего луча света на самое преступление.

Розыски незнакомца, скрывшегося через окно, тоже не увенчались успехом.

В кофейной его видели три раза и могли дать приблизительно точное описание его внешности. В доме номер 46 по Грильхоферштрассе его никто не знал. Было лишь известно, что Штребингера навещал несколько раз по вечерам какой-то господин и что жилец всегда сам открывал ему дверь.

Доктор Шпехт со своей стороны предпринял розыски домино. Он написал по старому условному адресу, поручив полиции наблюдать за почтамтом, но никто не явился за письмом. Служащие же спустя столько времени, конечно, не могли припомнить, кому выдавали предыдущие три письма, адресованные до востребования.

Перед начальником тайной полиции Вурцем лежал на письменном столе протокол предварительного следствия. Он бегло пересматривал его и делал пометки. Затем он задумчиво поглядел в окно, затянулся сигарой и позвонил.

На звонок явился один из агентов.

– Попросите ко мне доктора Шпехта.

– Здравствуйте, доктор, садитесь, – обратился он к вошедшему комиссару. – Мне надо переговорить с вами. Как вам известно, министр полиции весьма заинтересовался убийством на Грильхоферштрассе. Это вполне понятно. В высших сферах страшно взволнованы пропажей бумаг, а так как эта пропажа находится в связи с убийством, то неудивительно, что министр полиции обратил внимание на это дело. Он надеется, что нам удастся решить загадку. Через час я должен доложить ему о достигнутых результатах и получить дальнейшие указания. Нет ли у вас чего-нибудь нового?

– Ничего. Я еще раз допросил хозяина квартиры и прислугу, установил наблюдение за почтамтом, но, увы, все напрасно.

– Это надо было предвидеть. Ваша анонимная корреспондентка, конечно, больше не появится. Я думаю, что в этом направлении поиски останутся безрезультатными. Вчера я снова был на Грильхоферштрассе и пришел к убеждению, что выстрел, которым убит неизвестный, не мог быть сделан с улицы.

– Позвольте... но как же... как же, по-вашему, совершено преступление?

– Окна первого этажа расположены слишком высоко. С улицы видны только плечи и голова сидящего за столом человека. Я в этом убедился и приказал все точно промерить. Дыра в окне и отверстие, пробитое пулей в картинной раме, расположены на одном уровне. Если предположить, что стреляли с улицы, то оба отверстия никак не могли находиться на одной прямой и пуля должна была пробить не нижнюю, а среднюю часть рамы, иначе следует допустить, что пуля летела параллельно. Из всего этого ясно, что выстрел должен был быть произведен с какого-нибудь места, расположенного на одной высоте с комнатой убитого!

– То есть, например, человеком, стоящим во весь рост в экипаже, – перебил доктор Шпехт.

– Я догадываюсь, на что вы намекаете, – ответил начальник тайной полиции, – но не думаете ли вы на самом деле, что человек приехал на автомобиле, чтобы совершить убийство? Все-таки ведь это не так просто. Нет, голубчик, это предположение не выдерживает критики.

– Но откуда же последовал выстрел, если, по-вашему, ни с улицы, ни в комнате не стреляли?

– По всей вероятности, из дома, расположенного напротив. Улица неширока. Штребингер был ярко освещен горевшей лампой. Напротив его комнаты находится запертая, нежилая квартира. Ключ от нее у управляющего. Вот то, что мне хотелось в первую очередь вам сообщить.

Доктор Шпехт вынул записную книжку и приготовился записывать.

– Нет, прошу вас, доктор, не трудитесь. Это я сообщил вам только для сведения, и вы меня обяжете, если не будете больше заботиться об этом. Невозможно работать одновременно в двух различных направлениях. Из моего доклада министру полиции вы увидите, как страшно осложнилось это дело. Тут нужен не один, а несколько человек, которые бы занялись им исключительно. Поэтому, любезный доктор, сообщите все, что вам известно, вашему другу доктору Мартенсу, и приезжайте с ним к министру полиции. Только поскорее, нам осталось полчаса до доклада.

Доктор Шпехт вышел из кабинета своего начальника в весьма подавленном состоянии духа.

Между тем Вурц снова углубился в изучение данных предварительного следствия, надеясь прийти к какому-нибудь выводу на основании данных измерения расстояния между обоими домами, малого калибра смертоносного оружия, кривой полета пули и т. д. Но ему не дали сосредоточиться.

В комнату вошел элегантный молодой человек с благородными манерами.

– Очень извиняюсь, что беспокою, – проговорил он, – но в передней я не нашел никого, кто бы мог доложить обо мне.

– А-а, здравствуйте, барон, садитесь, пожалуйста. Мои люди с ног сбились. Как хорошо, что вы так пунктуальны, совсем по-военному. Я просил вас заехать, чтобы вернуться к нашему разговору. Сегодня я могу сделать вам вполне определенное предложение.

Вурц откинулся в кресле и, видимо, что-то соображал.

– Итак, чтобы перейти прямо к цели, скажу вам, что у меня есть для вас дело. Если вы сумеете зарекомендовать себя в нем с хорошей стороны, то место у нас вам обеспечено.

Молодой человек слушал с удивлением.

– Неужели правда? – обрадованно воскликнул он.

– Несомненно. Слушайте хорошенько. У вас должны быть связи в высшем обществе, а нам необходимо учредить в нем следствие, негласное, само собой разумеется. Имена я вам укажу, конечно, в том случае, если вы согласитесь на мое предложение.

– Прошу извинить меня, – смущенно возразил молодой человек, – к сожалению, это для меня совершенно невозможно.

– Почему?

Молодой человек замялся:

– Право, не знаю, как бы вам это объяснить... Всего неделю назад я сам обратился к вам с просьбой найти мне дело... отчасти потому, что чувствую призвание к этому занятию, отчасти из желания иметь определенную службу с тех пор, как я снял мундир. Но, видите ли, проникнуть в общество близких мне людей в качестве шпиона – этого я не могу.

– Ах, милый барон, что у вас за выражения – шпион! Об этом и речи нет. Вы должны и можете оказать полиции важную услугу. Что я говорю – полиции. Отчеству, государству!

– Как мне вас понять?

– Вы, конечно, слышали о пропаже документов из письменного стола фельдмаршала Гольмгорста. Мы имеем основание предполагать, что эта пропажа находится в связи с убийством на Грильхоферштрассе. Поэтому речь вовсе не о том, чтобы исполнять обязанности шпиона, а о том, чтобы найти шпиона, да еще, по всем вероятностям, виновного в убийстве. Вам как офицеру должна быть особенно ясна важность и серьезность подобной задачи.

– Конечно, если дело обстоит так...

– Оно обстоит именно так... Бумаги, выкраденные из стола, – сообщаю вам это по секрету, – весьма важные документы. Мы должны употребить все усилия, чтобы их вернуть.

– Разве вы не думаете, что уже поздно?

– Поздно? А убийство на Грильхоферштрассе?

– Не понимаю.

– Сейчас поймете. Я, конечно, не обратился бы к вам, если бы не думал, что вы, именно вы и никто другой, можете оказать нам помощь в этом деле. Люди мои уже работают во всех слоях общества, только в великосветские салоны мы не можем проникнуть, не будучи известными. Между тем я убежден, что нити этого загадочного дела сойдутся в каком-нибудь светском будуаре, куда не имеют доступа наши агенты. Итак, согласны вы или нет? Если согласны, то будущность ваша обеспечена.

– Если речь идет о поимке предателя, то вы можете располагать мной.

– В этом случае – идет. Я представлю вас министру полиции.

Начальник тайной полиции Вурц в сопровождении барона поехал в полицейское управление. Здесь он оставил своего спутника дожидаться в приемной и поднялся на второй этаж, где находился кабинет министра.

Долго и убедительно говорил Вурц.

– Я ручаюсь за барона, – так закончил он свою речь, – и убежден, что он именно тот человек, который может разгадать эту загадку.

Министр полиции фон Зольфельд принял молодого человека в высшей степени любезно.

– Мы очень обязаны вам, любезный барон Сфор, – сказал он, – что вы согласились помочь нам в столь трудном деле. Прошу вас на несколько минут остаться здесь; у нас сейчас будет совещание, из которого вы узнаете все подробности дела. До поры до времени я попросил бы вас держать вашу принадлежность к полиции в тайне.

Четверть часа спустя за столом министра полиции собрались следующие лица: знакомый уже нам начальник тайной полиции Вурц, начальник сыскного бюро Георг Шульц, комиссары доктор Шпехт и доктор Мартенс и барон Макс фон Сфор. Начальник тайной полиции Вурц приступил прямо к делу.

– Обычные вопросы, возникающие при каждом уголовном деле, – так начал он, – разрешены нами, к сожалению, только отчасти. Как раз главный и наиболее важный вопрос окутан полнейшим мраком. Мне ни разу за всю десятилетнюю практику не приходилось иметь дело с более запутанным положением и вести более трудное следствие.

Первый вопрос, который нам следует поставить, – где совершено убийство? На него мне ответят: на Грильхоферштрассе, в доме номер 46, на первом этаже, квартира номер 10, выходящей на улицу комнате, отдаваемой внаем четой Мюллер.

Вопрос второй: когда совершено преступление? Показания сторожа Штольценгрубера и обитателей квартиры позволяют нам точно установить время: от половины до трех четвертей девятого вечера двенадцатого января.

Но третий вопрос – кто пал жертвой преступления? – остается без ответа.

Мы знаем лишь, что это был мужчина, называвший себя механиком Адольфом Штребингером, всего несколько дней назад приехавший в Вену в поисках работы. Все наши попытки выяснить личность этого Штребингера оказались тщетными. Никто его не опознал, никто ничего не может о нем сообщить, никто не делал заявлений о его исчезновении.

Установлено лишь, что Штребингер переехал в комнату четвертого января, прожив перед этим три дня в маленькой гостинице; что его посещали лица, по внешности ничего не имеющие общего с кругом, к которому принадлежал Штребингер; что жил он очень замкнуто, тщательно избегая всякого общения с людьми, и наконец, что у него водились деньги, слишком крупные для простого механика.

На основании всех этих данных можно безошибочно заключить, что убитый, по каким-то ему одному известным соображениям, прописался под чужим именем и что он принадлежал к совсем другому кругу. Это последнее обстоятельство подтверждает и полицейский врач. По его мнению, тело убитого, золотые пломбы в его зубах, некоторые признаки, указывающие на то, что покойный в молодости много ездил верхом, шрам от сабельного удара на лбу, который Штребингер тщательно закрашивал, искусственная грязь на руках и на лбу ясно указывают на то, что мы имеем дело с человеком из хорошего общества, скорее всего с офицером.

Обстоятельства, побудившие этого господина изменить свой внешний вид и так таинственно поселиться на Грильхоферштрассе, находятся, весьма вероятно, в связи с другим делом, которого я коснусь впоследствии. Пока ограничимся установлением факта: мы не знаем, кто пал жертвой преступления, и не в состоянии установить его личность.

Следующий вопрос – что послужило орудием преступления? – мы также вынуждены оставить без ответа.

В картинной раме нами обнаружена малокалиберная пуля, без сомнения, вызвавшая смерть неизвестного. Но, господа, звук выстрела никто не слышал!

В этом направлении нами были предприняты самые тщательные розыски. В доме, расположенном напротив, живет на первом этаже бухгалтер Пфеглинг. Жена его в роковой вечер поздно вернулась из гостей домой. Пфеглинг утверждает, что он весь вечер просидел у окна, поджидая жену. Он, несомненно, слышал бы выстрел.

Над квартирой Мюллера живет студент. Он весь злополучный вечер был дома и занимался. Он тоже ничего не слышал. Сторож Штольценгрубер – наш главный свидетель – проходил, как известно, без четверти десять мимо окна и видел, как двое мужчин возбужденно о чем-то говорили. Он дошел до переулка, ведущего на Зильбинггассе, и остановился на углу. Таким образом, он находился в двухстах шагах от места преступления. В десять часов его нашел наш околоточный надзиратель, а несколько минут спустя фрау Мюллер уже давала ему свои первые показания.

Таким образом, Штольценгрубер от трех четвертей девятого до четверти десятого, что называется, не сходил с места, но и он не слышал выстрела. Я под микроскопом исследовал найденную пулю, но следов пороха нам обнаружить не удалось. Складывается почти невероятная ситуация: неизвестный убит выстрелом, которого никто не слышал, и пуля принадлежит странному орудию, стреляющему без пороха.

Загадочным является для нас и то, каким образом совершено убийство. Ясно, что убийца не мог стоять на улице. Нам остается предположить, что он стрелял из дома напротив. Там, в нижнем этаже, находится нежилая квартира, ключ от которой хранится у управляющего. В роковой вечер ключ висел в вестибюле на доске. В пустой квартире найдены отпечатавшиеся на пыльном полу следы; такие же следы обнаружены и около окна, но управляющий показал, что днем квартиру осматривали жильцы; они же подходили к окну, чтобы удостовериться, хорошо ли оно запирается.

Должность управляющего занимает почтовый чиновник Гауснер, и показаниям его можно доверять безусловно.

Итак, содержание всего вышеизложенного вкратце таково, мы не знаем, кто убитый, мы не знаем, как и каким орудием совершено преступление, мы не имеем никаких указаний на личность убийцы, а следовательно, не имеем и указаний на мотивы преступления.

Вот как обстоит дело.

Вурц умолк, как бы ожидая вопросов или возражений.

– Нам нужно остановиться на трех пунктах, – продолжал он затем среди общего молчания. – На зеленом автомобиле, неизвестном свидетеле убийства и загадочном домино, бывшем на балу двенадцатого января, в ночь убийства.

Что касается зеленого автомобиля, то подобных в Вене сто двадцать три штуки. Принадлежат все они высокопоставленным лицам. Нашими агентами собраны точные сведения. Было допрошено несколько шоферов, но ни один из них не проезжал в роковой день около Грильхоферштрассе.

Автомобиль, отъехавший двенадцатого вечером от Софийского зала, найти не удалось. Удивляться тут, конечно, нечему. Разве трудно перекрасить экипаж, чтобы скрыть следы; вещь это несложная и может быть проделана любым шофером. Зеленый автомобиль видел швейцар Софийского зала, доктор Шпехт, кельнерша и два гостя в кофейной на Зильбинггассе. А часа два спустя его снова видели доктор Шпехт и городской. Имеем ли мы во всех трех случаях дело с одним и тем же автомобилем, определить, конечно, невозможно.

Свидетель убийства, со слов сторожа Штольценгрубера и посетителей кофейной, элегантный высокий блондин с мятым лицом, светлыми усами и моноклем в глазу, одет в шикарную шубу. Этот господин, вне всякого сомнения, находился в комнате убитого в момент совершения преступления.

Он загасил лампу, выпрыгнул в окно, бегом достиг забора, перелез через него, миновал переулок и свернул на Зильбинггассе. По дороге он потерял письмо. Затем он вошел в кофейную Каспара Матовиц, субъекта с весьма темной репутацией, и ждал здесь около сорока пяти минут, пока за ним не приехал зеленый автомобиль. Все это произошло без четверти десять. Дальше след теряется.

Перейдем в заключение к загадочному домино. Как уверяет нас доктор Шпехт, женщина эта принадлежит к высшему обществу, она изящна, высокого роста. Доктор Шпехт находился с ней в анонимной переписке, инициатором которой являлась незнакомка. Она же назначила доктору Шпехту свидание в маскарade, и здесь навлекла на себя подозрение явным интересом, который выказывала к делу о пропаже военных документов, и указанием на дом 46 по Грильхоферштрассе. Получив от второй маски страшное известие, как видно, о каком-то преступлении, она громко вскрикнула: «Убили!» и выбежала из зала.

Прибавлю ко всему, уже сказанному мной, что в кармане убитого был найден обрывок письма доктора Шпехта к незнакомке и что свидетель убийства во время бегства потерял второй кусок этого письма.

Думаю, что объяснить это можно следующим образом: неизвестный мужчина, посвященный в тайну переписки дамы с доктором Шпехтом, случайно имел одно из этих писем в кармане при посещении Грильхоферштрассе. Во время разговора ему понадобилось кое-что записать. Так как под рукой не было бумаги, то он оторвал неисписанную страницу письма, чтобы сделать на ней нужные пометки.

Ненужную же часть письма он, по всей вероятности, сунул в наружный карман шубы, откуда она и выпала во время бегства.

В записке сказано: «Завтра, половина девятого», следует ряд чисел и слово «вызвать». Цифры представляют собой шифр, ключ к которому мы еще не нашли.

Не может быть сомнения в том, что черное домино имеет отношение к преступлению. Несомненно также и то, что пропажа бумаг и убийство на Грильхоферштрассе теснейшим образом связаны между собой. Прошу вас сопоставить следующие обстоятельства.

В ночь на третье января из письменного стола фельдмаршала Гольмгорста исчезают документы. Четвертого января рано утром на Грильхоферштрассе поселяется под видом рабочего таинственный незнакомец.

Неизвестная женщина обращает внимание доктора Шпехта на дом номер 46 по Грильхоферштрассе, и почти в то же самое время там совершается преступление.

Почти немедленно получает она извещение о совершенном убийстве, а в кармане убитого находят обрывок обращенного к ней письма, покрытый шифрованными знаками, какие употребляются только при важных дипломатических сношениях.

Следы обоих преступлений ведут нас в высший свет и теряются в нем.

В коротких словах вот вывод из всего вышеизложенного: убийство на Грильхоферштрассе является следствием кражи документов. Очень возможно, что оба преступления совершены одним и тем же лицом. Если нам удастся выяснить обстоятельства одного дела, – второе распутается само собой. Стоит нам найти черное домино – и в наших руках вор и убийца.

Глава IV

Комиссар доктор Мартенс был человек ревностный и честолюбивый. Он чувствовал себя крайне польщенным, что именно ему, а никому другому было поручено начальником тайной полиции столь трудное и ответственное дело.

Не прошло и часа после совещания у министра полиции, как доктор Мартенс, взяв с собой двух сыщиков, уже находился на пути к Грильхоферштрассе. Ему хотелось проверить данные, приведенные начальником тайной полиции, и руководствоваться в дальнейшем не чужими словами, а собственными наблюдениями.

Около дома номер 46 комиссар остановился и внимательно осмотрелся по сторонам.

В одном начальник тайной полиции был, несомненно, прав: преступление не могло быть совершено с улицы. С улицы видна была лишь верхняя часть стены и потолок комнаты, где нашли убитого.

Комиссар направился в дом, находившийся напротив, где на первом этаже жил бухгалтер Пфеглинг.

Приветливый, старый, толстый человек принял его в столовой, из окна которой можно было видеть злополучный дом номер 46.

Комиссар задал старику несколько малозначащих вопросов и подошел к окну, попросив бухгалтера показать ему комнату, в которой было совершено преступление.

Одного взгляда ему было достаточно, чтобы убедиться, что стрелять туда из комнаты, в которой он находился, представлялось совершенно невозможным.

Оставалось исследовать пустую квартиру в нижнем этаже.

Комиссар сделал знак поджидавшим его в квартире сыщикам следовать за собой и поднялся к старшему дворнику, которому временно поручено было управлять домом.

– Будьте добры пройти со мной в неснятую квартиру, – приказал комиссар, – мне нужно будет задать вам несколько вопросов.

– Вы из полиции будете?

– Ну да!

– В таком случае, пожалуйста, – засуетился управляющий. В означенную квартиру вело несколько ступеней. Она была расположена в конце темного прохода; входная дверь замаскировалась нишей.

Суетившемуся управляющему не сразу удалось открыть дверь.

– Ишь, проклятый замок! Не откроешь никак, – проворчал он. – Кто-нибудь пробовал его без меня. Черт! Да откроешься ты или нет!

Наконец удалось повернуть ключ, и замок отворился.

Комиссар послал одного из сыщиков за слесарем, а сам в сопровождении второго сыщика и управляющего вошел в квартиру.

Она состояла из двух комнат и кухни.

Доктор Мартенс быстро обошел ее и остановился в комнате, где, по всей вероятности, должен был помещаться кабинет. Из окна хорошо была видна комната на противоположной стороне улицы. Здесь, на этом самом месте, должен был стоять убийца, сделавший роковой выстрел.

Не оставил ли он следы?

Внимательно и осторожно принялся комиссар за осмотр; осмотрен был пол, стены, наконец, подоконник.

Но в пустом помещении ничего особенного не оказалось. Кругом лежал толстый слой пыли. В углу в кучку был сметен сор.

– Кто здесь убирал?

– Моя старуха, ваше благородие.

– Когда же она успела?

– Она немножко тут почистила, как услышала, что к нам придут из полиции. Вся квартира так попригляднее будет.

Комиссар задумался. Не могло быть сомнений, что уборка происходила уже после преступления. Если вообще и были какие-нибудь следы, то найти их он мог лишь там, в углу, в кучке сора.

Доктор Мартенс вынул лист бумаги и приказал сыщику высыпать на него весь мусор, до последней соринки. Агент бросился исполнять полученное приказание, но вдруг с удивлением остановился.

– Что там такое? – спросил Мартенс.

– Господин доктор, я тут нашел кое-что. – И сыщик протянул комиссару маленький запыленный предмет.

Это была маленькая пряжка, из тех, которыми женщины прикалывают волосы по бокам головы.

Доктор Мартенс отнес пряжку к окну и здесь, при свете, принялся ее рассматривать.

Около стержня висело несколько запыленных и спутанных волосков золотисто-рыжего цвета.

– Давно ли квартира стоит пустой? – обратился комиссар к управляющему.

– С первого января.

– Кто был последний жилец?

– Старый сапожник, ваше благородие. Сам он спал на кухне, малыцы помещались в той комнате, а сюда он, кажись, пускал ночлежников.

– Женщин не было в доме?

– Как не быть. А сама-то.

– Как она выглядела?

– Да красавица была писаная! Ни одного зуба, суха, как палка, а свою седую косичку закалывала сзади на затылке; точно копеечная булка, право слово.

– Кто смотрел квартиру с тех пор, как съехали жильцы?

– Смотрели ее два раза, ваше благородие. Все беднота. А раз приходил кто-то из полиции. Больше никого.

– Женщин не было?

– Были! Как бабам не быть. Три, не то четыре были.

– Вот как! Что же это были за женщины? Барыни?

– Куда там! В платках прибежали.

– Какие волосы у вашей жены?

– Плохонькие, ваше благородие. Маловато будет.

– Я спрашиваю про цвет.

– Как сказать, конечно, не такие черные, как раньше...

– Дочерей у вас нет?

– Нет, деток не бывало.

– Скажите, не живет ли где поблизости гребенщик?

– Гребенщик? Да я сам гребенщик, ваше благородие. Это мое ремесло.

– Прекрасно! Взгляните-ка на эту пряжку и скажите мне, из чего она сделана?

Управляющий подошел к окну и с глубокомысленным видом стал рассматривать пряжку.

– Штука важная, – сказал он наконец, – настоящая золотистая черепаха. Лучший сорт. Гульденов шесть стоит. И кто мог ее здесь потерять? Такой важной барыни, которая такие вещи носит, у меня тут никогда не бывало.

Комиссар кивнул.

Несомненно, в комнате была неизвестная женщина с золотисто-рыжими волосами. Но какое отношение имела она к преступлению?

Доктор Мартенс вынул из кармана лупу и внимательно осмотрел подоконник.

На нем ясно отпечатался след руки, которой неизвестный обладатель, видимо, опирался на подоконник. След принадлежал правой руке женщины. Для детской руки след был велик, для мужской – слишком мал...

Прежде чем продолжать дальнейшее расследование, доктор Мартенс с помощью стеаринового порошка снял изображение таинственного следа.

Между тем подоспел слесарь.

По указанию комиссара он вывинтил замок и разобрал его.

На всех деталях лежал слой масла и пыли. В некоторых местах заметны были свежие, блестящие царапины – явное доказательство того, что замок пробовали отпирать без помощи ключа.

Предположение это подтвердил и слесарь.

Доктор Мартенс приказал одному из сыщиков завернуть замок и снова сосредоточил все свое внимание на окне.

Убийца, прежде чем выстрелить в жертву, должен был неизбежно открыть окно. Трудно было, однако, предположить, чтобы он при стоявшей на улице стуже выжидал удобный для выстрела момент у открытого окна. К тому же это было чересчур опасно. Его должны были бы заметить прохожие и сторож Штольценгрубер. Они не могли не обратить внимания на окно, настаежь открытое в сильный мороз.

Преступник, вероятнее всего, наблюдал из закрытого окна, пока не наступило удобное для выстрела время.

Доктор Мартенс осмотрел сквозь лупу грязное оконное стекло. На нижнем крае верхнего стекла он ясно различил пять мутных пятнышек – отпечаток пяти пальцев той же руки. Закрашенные следы указывали на длинные, овальные ногти – значит, рука была тонкая и холеная.

По всей вероятности, это была та же рука, отпечаток которой был обнаружен на пыльном подоконнике.

Он сличил оба изображения, сравнил рисунок ногтей.

Тождество получилось полное.

Итак, это была женщина.

Дело начинало принимать романтическую окраску.

Белокурая женщина, носившая черепаховые пряжки в волосах... белокурая женщина с изящными маленькими руками...

Комиссар приказал вырезать и захватить с собой стекло, и, довольный достигнутыми результатами, покинул квартиру, которую предусмотрительно приказал опечатать. Затем он направился к профессору доктору Хартлибу, известному своими работами с микроскопом.

Профессора он застал в лаборатории. Доктор Мартенс передал ему тщательно упакованные вещественные доказательства и поручил их его особому просвещенному вниманию.

– Так как пряжка понадобится мне для продолжения розысков, – сказал он профессору, – то я попросил бы вас начать исследование именно с нее. Сколько времени это может занять?

– Если дело спешное, то я могу справиться с ним скоро. Скажем, через час.

– С вашего разрешения, я подожду здесь результатов ваших наблюдений.

Минут тридцать возился доктор Хартлиб с пучком золотистых волос, то исследуя их под микроскопом, то подвергая действию разных кислот. Наконец он встал и, улыбаясь, вышел из комнаты. Через несколько минут он возвратился, держа в руках гребенку, и снова принялся за работу.

– Благодаря счастливой случайности, – обратился он наконец к комиссару, – я могу дать вам точные и подробные сведения, которые облегчат вам дальнейшие розыски. Волосы, весьма

ухоженные, принадлежат женщине лет тридцати – тридцати пяти, употребляющей тонкую и дорогую косметику. Волосы от природы черного цвета, как я уже говорил, холеные и выкрашены краской Fleur d'or, стоящей сорок крон бутылка.

– Простите, профессор, – слегка недоверчиво спросил доктор Мартенс, – мне было бы любопытно узнать, каким путем вы пришли к этому заключению.

– Очень простым, господин комиссар. Около корней волосы черного цвета, и местами на них попадаются темные пятна. Из этого следует, во-первых, что женщина еще не старая, во-вторых, что она брюнетка. Анализ краски позволил обнаружить составные части, соответствующие красителю Fleur d'or, который мне хорошо известен. Как видите, для моих выводов особого искусства не потребовалось.

– Не сможете ли вы мне сказать, где изготавливается этот Fleur d'or? – спросил комиссар.

– С удовольствием. У «Зейферта и К^о». Фирма эта недавно прислала мне образцы для анализа, дабы я засвидетельствовал безвредность этого средства.

От профессора доктор Мартенс направился в парфюмерный магазин. Оказалось, что краска вышла всего только два месяца назад и ее успели приобрести лишь очень немногие дамы. Некоторых приказчик мог назвать, так как они были постоянными покупательницами магазина. Доктор Мартенс записал имена.

«Если посторонняя женщина проникла в пустую квартиру, – раздумывал между тем комиссар, – то не иначе как изучив основательно местоположение. Следовательно, она часто бывала в доме. Каким же образом ее никто не видел?»

Не желая теряться в бесплодных догадках, доктор Мартенс снова поехал на Грилльхоферштрассе.

Снова допросил он жильцов других квартир нижнего этажа, но ответ был тот же: никто ничего не знал.

Только горничная одной из квартир показала, что однажды вечером маленькая господская собачка, сидевшая на кухне, вдруг ни с того ни с сего залаяла. Ей самой послышался какой-то шорох.

Думая, что это нищий, она слегка приоткрыла дверь и увидела какую-то женщину, быстро сбежавшую по ступенькам. Лица ее она не запомнила, но ей бросились в глаза золотисто-рыжие волосы незнакомки.

После долгого допроса комиссару удалось наконец установить, что это произошло девятого января, то есть за три дня до убийства.

Дальнейшие расспросы ни к чему не привели, и доктор Мартенс пешком отправился домой.

На углу Шмальгоферштрассе стояло несколько экипажей. Не удастся ли тут узнать что-нибудь новое?

Действительно, один из кучеров помнил, что девятого января, часов в девять вечера, привозил сюда даму с золотисто-рыжими волосами. Она велела ему остановиться на Альзерштрассе номер 64 и щедро с ним расплатилась.

– Я подумал, – сказал кучер, – что она живет здесь. Но только что повернул я назад, чтобы ехать к своей стоянке, гляжу, а она садится к Францлю в коляску. Он, видите ли, мой земляк, и мы с ним вместе живем.

Доктор Мартенс отметил у себя в книжке номер извозчика.

Номер 64 по Альзенштрассе оказался, как он и предполагал, проходным и выходил другим фасадом на Шенбургассе.

Там была извозчичья стоянка. Францль скоро был найден и допрошен. Он показал, что незнакомка наняла его на Панигльгассе, но, не доехав до места назначения, вышла из экипажа и рассчиталась с ним. Больше он ничего не знал.

Больше ничего не мог узнать и доктор Мартенс. Розыски привели его к Елизаветинскому мосту, дальше след терялся в водовороте большого города.

Всю последующую неделю доктор Мартенс работал, что называется, не покладая рук. Розыски и допросы шли непрерывно.

Следы пальцев на стекле были сфотографированы и увеличены. По заключении экспертов, они принадлежали правой женской руке, ногти которой имели острую продолговатую форму. Рука была маленькая и холеная.

Несмотря на все усилия доктора Мартенса, новыми данными следствие не обогатилось. По-прежнему твердо установленным было лишь то обстоятельство, что какая-то женщина, рыжеватая блондинка, принадлежащая, по-видимому, к состоятельному классу, была замечена около места, где совершено было преступление. О том, что она являлась убийцей, говорило лишь ее пребывание в комнате, из которой стреляли. Но было ли этого достаточно, чтобы обвинить ее в преступлении?

Если бы удалось, по крайней мере, напасть на след таинственного незнакомца в шубе и с моноклем! Но кельнерша с Зильбинггассе могла только сообщить, что шикарный гость трижды был в кофейной на неделе, предшествовавшей убийству, каждый раз поджидая свой зеленый автомобиль. Больше от нее ничего нельзя было добиться.

Поиски таинственного домино тоже ни к чему не привели.

Между тем произведено было вскрытие тела Адольфа Штребингера.

Полицейский врач установил, что смерть последовала от выстрела. Пуля пробила левый висок и, пройдя через мозг, вышла в правый.

Скромно и тихо похоронили убитого. Затем решено было еще раз осмотреть его незатейливый скарб.

Кроме носильного платья и белья, помеченного буквами «А. Ш.», на самом дне сундука был обнаружен запечатанный конверт. В нем нашли начатое письмо и распоряжения на случай смерти.

Это духовное завещание, весьма странное по содержанию, гласило:

«Если на этих днях со мной случится несчастье, имеющее последствием мою смерть, то прошу тех, кто найдет настоящую записку, продать мои вещи для возмещения расходов господину Мюллеру. Если вырученная сумма превзойдет мой долг, то оставшиеся деньги прошу передать в комитет для бедных, так как родных я не имею».

Записка была помечена шестым января, следовательно, написана она была день спустя после переезда Штребингера в семью Мюллера.

Не оставалось сомнения в том, что Штребингер на основании каких-то ему одному известных соображений предчувствовал свой печальный конец. Некоторое разъяснение внесло неоконченное письмо покойного неизвестному другу. Приводим его целиком:

«Дорогой друг, неизбежное свершилось! Страхи мои оправдались. Я встретился с ней третьего дня, случайно, на улице. Она сейчас же узнала меня и пошла за мной. С тех пор я не знаю покоя. Она уже три раза была у меня, а раз написала письмо. О чем – ты, вероятно, догадываешься: она требовала письма! Я думал скрыться от нее и тотчас же переменил квартиру, но один Бог знает, поможет ли это мне... Не могу отделаться от тяжелого предчувствия, что на этот раз все усилия будут напрасны.

Если бы, по крайней мере, я не находился в таком запутанном положении, но ты ведь знаешь, что я не могу обратиться к защите закона, не должен обращать на себя внимания. Впрочем, я надеюсь уехать дня через три, самое большее – четыре. Все сошло благополучно, даже сверх ожидания. Дело

можно считать оконченным. Будем надеяться, что мои мрачные предчувствия не...»

Здесь письмо обрывалось. Оно тоже было помечено шестым января; следовательно, писал его Штребингер в том же настроении, в котором составлял духовное завещание.

Как ни туманно было содержание письма, одно выступало из него вполне ясно: Штребингеру угрожала какая-то женщина.

– Не кажется ли вам, господин начальник, что здесь имела место обыкновенная любовная драма? – обратился один из присутствующих к начальнику тайной полиции.

– Нет, любезнейший доктор, как раз наоборот. Письмо этого Штребингера заставило меня призадуматься. Не сбивайтесь с намеченного пути и твердо помните следующее: доктор Шпехт получил от незнакомой женщины на маскараде указание на дом номер сорок шесть по Грильхоферштрассе в связи с делом о шпионаже и пропаже бумаг. Если взглянуть на письмо с этой точки зрения, то весьма вероятно, что заявление Штребингера о том, что «все сошло благополучно», можно считать за намек на удавшееся похищение военных документов; фраза же «дело можно считать оконченным» наводит нас на мысль о «деловых» сношениях покойного с элегантным господином, с которым сторож Штольценгрубер видел его оживленно беседующим за несколько минут до смерти. Из всего этого следует, любезный доктор, что мы скорее всего имеем дело с политически-дипломатической подкладкой преступления, орудием которого, а не вдохновительницей является женщина.

Исследованию опытных химиков была подвергнута и пуля, засевшая в картинной раме. Все они пришли к единодушному заключению, что при стрельбе порох употреблен не был и что пуля, по всей вероятности, принадлежала воздушному пистолету американской конструкции.

Но, несмотря на новые данные, дело не становилось яснее! Наоборот, оно запутывалось все больше, давая полный простор всевозможным предположениям. Единственным человеком, не растерявшимся в этих сложных обстоятельствах и не отступившим от первоначально намеченного пути, был начальник тайной полиции Вурц.

Глава V

– Все это очень хорошо, – заявил барон фон Сфор начальнику тайной полиции, – но я совершенно не знаю, как мне взяться за дело. Вы знаете, я в делах этого рода новичок и не хочу ударить в грязь лицом с первых же шагов на новом поприще.

Вурц усмехнулся:

– Милейший барон, случай да удача – лучшие советчики. Взгляните сюда – вот список всех дам, красящих себе волосы средством Fleur d'ог. Не найдете ли вы среди них знакомых?

Барон фон Сфор пробежал глазами листок.

– Некоторых я знаю. Вот старая баронесса Штурм, имеющая такой ужасный вид со своими желтыми волосами. Прямо страшно становится, когда на нее глядишь! Затем красавица фон Фельс с великолепными глазами вампира. Она, пожалуй, способна на любую выходку. Очень уж много говорят о ее прошлом – ничего определенного, как водится, но под сурдинку рассказывали какую-то историю, в которой были ревность, угрозы, опасность; одним словом, не бог весть что. Затем идет графиня Кампобелло, тоже графиня... той же марки; затем маркиза Сильвони с уродом дочерью. Ах да, чуть не забыл актрису Эллу Шварц, но она вне подозрений: я видел ее дней пять назад с черными волосами и только вчера заметил, что она выкрасилась. Я едва узнал ее в ложе!

– Еще бы вам не знать таким дам, – поддразнил барона начальник тайной полиции. – Ну-с, так вот что, сегодня вы нанесете визит которой-нибудь из этих дам. Постарайтесь незаметно навести разговор на убийство. Слушайте внимательно, что будут говорить и, если вам что-нибудь покажется подозрительным, то постарайтесь узнать, что делала ваша поклонница Fleur d'ог двенадцатого вечером. Затем постарайтесь получить доступ в следующие дома итальянского посольства, это вам будет не трудно, и там, как у нас говорят, держите ушки на макушке». Пока больше ничего не могу вам посоветовать.

С этими словами Вурц передал барону фон Сфору список живущих в Вене представителей итальянской аристократии.

– Если я правильно вас понял, то должен, выражаясь по-военному, произвести рекогносцировку?

– Совершенно верно, милейший барон. Ну, до свидания. В добрый час!

Барон откланялся.

Вернувшись домой, он стал раздумывать, как ему попасть в дома, указанные ему начальником тайной полиции.

Затем он написал несколько писем своим товарищам-офицерам, имевшим, как вся военная молодежь, обширный круг знакомых. С некоторыми из намеченных дам он уже был знаком сам, так как принадлежал к семье, давно живущей в Вене и обладавшей связями в венском обществе. Поэтому ему было не трудно исполнить желание своего нового начальника.

В этот же день барон фон Сфор нанес визит маркизе Сальвони, нашел у нее большое общество, почтительно занимал пожилых дам, слегка ухаживал за молодыми девушками, а назавтра завез карточки всем знакомым, встреченным накануне у старой маркизы. Безукоризненные манеры, уважаемое имя и знакомство с маркизой открыли ему все двери.

Таким образом порхал барон целую неделю ежедневно от пяти до восьми из одной гостиной в другую, выпил невероятное количество жидкого чая, съел множество сэндвичей, играл в вист с полуглухими генералами и генеральшами и в поте лица своего вальсировал все ночи напролет. Так веселился барон за счет государства, сожалея лишь, что все его старания остаются напрасными.

Он встретил по крайней мере десяток женщин с золотисто-рыжими волосами, но все это были дамы настолько почтенные, что в связи с ними не могла возникнуть и мысль о преступ-

лении. Кроме того, относительно всех можно было установить вполне точно, где они были в злополучный вечер.

Единственно, что в известной степени привлекло внимание барона, были раздававшиеся кругом сетования на внезапное затворничество баронессы Штернбург, женщины светской и любящей повеселиться. Одни говорили, что она больна, другие предполагали внезапный отъезд. Под шумок передавали о тайном обручении. Но все в один голос сожалели об отмене вечера, назначенного у баронессы на двадцатое января.

Прошла неделя, и барон фон Сфор все с теми же печальными результатами явился к начальнику тайной полиции, жалуясь, что только испортил себе желудок, постоянно обедая и завтракая по чужим домам, а пользы делу не принес никакой.

– Так, так, – добродушно усмехнулся Вурц на жалобы барона, – у нас сохнут мозги от размышлений над этим делом, а у вас пострадал желудок. Ну да ничего, не огорчайтесь. Такие дела не распутываются по мановению волшебной палочки. Будь дело простым, я поручил бы его первому попавшемуся агенту, а не вам. Терпение, милейший барон. Что вы делаете сегодня вечером?

– Я приглашен на бал к графине Кампобелло. Тоже одна из златокудрых красавиц.

– Там вы увидите много интересных людей. Кампобелло друг и приятель итальянского посла и сам в молодости служил по дипломатической линии. Будьте внимательны, очень внимательны сегодня вечером!

У графини Кампобелло собралось многочисленное общество. В четырех больших салонах, открытых для гостей, было человек полтора. Графиня стояла у входа, приветствуя прибывавших.

Это была красивая женщина, высокого роста, с безукоризненной фигурой, с большими страстными глазами, вспыхивающими жутким огнем в минуты гнева. Нервный, подвижный рот ее имел порой упрямое, почти жесткое выражение. Смертельная бледность бросалась в глаза даже сквозь густой слой румян. Сильно вырезанное платье с длинным шлейфом мягко облегало ее стройную фигуру, богатые камни сверкали на груди, в ушах и роскошных золотисто-рыжих волосах.

Недалеко от нее стоял хозяин дома, граф Эрнесто ди Кампобелло, маленький сморщенный человечек с желтым лицом. Слишком велик был контраст между супругами, чтобы каждому смотрящему на них не приходила в голову мысль, что со стороны красавицы это был брак по расчету. Шестидесятилетнего графа могла одурманить красота молодой женщины, ее могло соблазнить богатство и титул графа.

Виолетта, графиня ди Кампобелло, была женщина с громадным честолюбием. Величайшим для нее удовольствием и ее гордостью было видеть у себя в гостиной людей громких фамилий. Сегодня праздновала она один из своих триумфов: дом ее был полон представителей высшего общества.

Ее усталый взгляд с гордостью скользил по блестящей толпе приглашенных.

Два вновь прибывших гостя показали на пороге.

Оба были молоды и, несмотря на штатское платье, не могли еще отвыкнуть от особой выправки, всегда безошибочно отличающей бывших военных.

Лицо одного из них носило отпечаток бурно и беспорядочно проводимой молодости.

Хозяин дома приветливо с ним поздоровался.

– Добрый вечер, граф Гейнен.

– Разрешите мне представить вам моего приятеля, барона фон Сфора, – сказал в ответ на это приветствие молодой человек.

– Очень рад. Сейчас познакомлю вас с моей женой. Виолетта, барон фон Сфор.

Графиня поклонилась графу Гейнену, зато фон Сфора встретила с особой любезностью.

- Мне кажется, мы уже знакомы, – приветливо проговорила она.
- Я имел счастье быть вам представленным, – поклонился фон Сфор, – не так давно, у баронессы Шиллерн.
- Как же, помню, помню.
- Еще две-три незначительные фразы – и новый гость затерялся в толпе приглашенных.
- Представив своего приятеля некоторым знакомым, граф Гейнен подошел к карточному столу и начал партию в вист.
- Здравствуй, Сфор, – вдруг услышал за своей спиной барон и, оглянувшись, увидел капитана генерального штаба, приветливо протягивавшего ему руку.
- Здравствуй, Франц.
- Ты в отпуску? – спросил офицер.
- Нет, в отставке, с первого числа.
- Ну? А я и не знал. Чем же ты теперь занимаешься?
- Ничем. Живу себе понемножку, а ты как поживаешь?
- Благодарю. Как видишь, хорошо, – с этими словами он указал барону на свой мундир.
- Ах да! Поздравляю. Значит, труды твои не пропали даром. Ты все еще в Вене?
- Мимо прошла хозяйка дома.
- Простите, пожалуйста, графиня, – обратился он к проходившей Виолетте, – не слышали ли вы чего-нибудь о баронессе Штернбург?
- Нет, ничего. Она уже неделю, как скрылась с нашего горизонта. Говорят, уехала куда-то. Более подробные сведения вам, без сомнения, может дать граф Гейнен. Вы найдете его у карточного стола.
- Премного благодарен.
- Если хочешь познакомиться с Гейненом, то я к твоим услугам, – предложил барон.
- О, я знаю его, – протянул как-то странно капитан, – только предпочитаю с ним не встречаться.
- Почему?
- Да так. Он мне не симпатичен. Игрок, пьяница, живущий никому не ведомыми доходами. Не по нутру он мне. А потом – помнишь ты эту историю, которую тогда замяли? Это было года два назад.
- Ты говоришь про происшествие во время маневров?
- Ну да.
- Я думаю, что ты несправедлив к нему. С точки зрения военного, это был, конечно, грязный поступок, но, если взглянуть на это с простой, общечеловеческой точки зрения, преступление не так велико. Господи, ну напился человек! Ведь это с каждым из нас может случиться.
- Это совсем не так просто, как ты думаешь, милый Макс, – серьезно возразил капитан, – офицер не напивается при исполнении служебных обязанностей. И не засыпает, когда надо командовать таким важным эскортом.
- Он, кажется, совершенно положился на проводника.
- Это было нарушением полученной им инструкции. Вообще, лучше бросим об этом говорить. Пусть радуется, что отделался так легко. Не будь дядя Гольмгорст его бригадным командиром, еще неизвестно, чем кончилась бы эта история.
- Послушай, я хорошо знаком с Гейненом. Хочешь, я расспрошу его о баронессе?
- Буду тебе очень благодарен. Спроси сейчас – вот он идет.
- Барон фон Сфор задержал проходившего графа. Между тем капитан Франц Фернкорн незаметно проскользнул в соседнюю комнату.
- Послушай, Гейнен. Скажи, пожалуйста, здесь баронесса Штернбург?
- Граф Гейнен с удивлением посмотрел на Сфора.
- О какой баронессе ты говоришь?

– О твоей кухне.

Граф медлил с ответом.

– Можно узнать, почему это тебя интересует?

– Пожалуйста. Один из моих знакомых сейчас справлялся о ней у графини, и та направила его к тебе.

– Почему же он сам не обратился ко мне? – спросил граф.

– Его вызвали, и он просил меня навести эту справку.

– Так, так... Кто же этот господин?

– Из чего ты заключаешь, что это господин?

– Я так думаю. Кухина красивая женщина... Кто же это, я спрашиваю?

– Послушай, ты говоришь, точно инквизитор. Капитан Фернкорн, если уж тебе так хочется это знать.

Лицо графа омрачилось.

– Он все еще бегаёт за ней, – грубо проговорил он, закусывая губу и нервно крутя усы, – скажи ему, что баронесса уехала. Она сейчас в Берлине. Одиннадцатого я получил от нее письмо. Только чтобы он не вздумал ехать за ней – он ей доставит этим большую неприятность.

– Передам в точности. Ты еще долго тут останешься?

– Мне еще нужно сказать пару слов графине, затем я уеду. С игрой не ладится сегодня. Мне адски не везет.

Барон фон Сфор отыскал Фернкорна, который, завидя его, быстро пошел ему навстречу.

– Я уже знаю, где баронесса...

– В Берлине, – перебил его Сфор.

– Нет. Она сейчас в Венеции, откуда писала дяде, генералу Гольмгорсту.

– Гейнен сказал, что она в Берлине.

– Ты ему, вероятно, сообщил, что это я просил тебя справиться?

Сфор утвердительно кивнул.

– Тогда все понятно. Она в Берлин и не заглядывала. Сегодня ровно две недели, как она, не сказав никому ни слова, спешно выехала в Венецию.

– Но Гейнен утверждает, что одиннадцатого имел от нее известие из Берлина.

– Одиннадцатого! Постой... дай сообразить... Нет, это невозможно. Двенадцатого в полдень я видел ее на Гингштрассе и говорил с ней. Сегодня двадцать седьмое. Две недели назад, то есть тринадцатого утром, она уехала из Вены. Видишь, как Гейнен лжет! Этот...

К ним подошла графиня Кампобелло.

– Капитан, вы спрашивали меня, где в настоящее время находится баронесса Штернбург. Могу сообщить вам, что она в Берлине.

– Очень благодарен, графиня. Можно узнать, от кого вы получили эти сведения?

– От графа Гейнена.

– Меня в таком случае удивляет, почему сам граф не в Берлине!

– Ревнуете, капитан. Ведь он родственник! А она вдова, без мужской помощи и поддержки.

– Вы не знаете, графиня, зачем, собственно, баронесса поехала в Берлин?

– Кажется, погостить у родных.

– Первый раз слышу, чтобы у нее в Берлине были родные. Баронесса итальянка, она урожденная Каstellламари.

Легкая дрожь пробежала по лицу хозяйки дома. Она провела по нему надушенным платком, точно силясь закрыть его.

От барона не укрылось впечатление, произведенное на графиню именем Каstellламари.

Голос молодой женщины заметно дрожал, когда она отвечала капитану.

– Я не знаю семьи баронессы, – сказала она, – я слышала, что она в Берлине... и хотела вам это сообщить... вы ведь сами... спрашивали меня об этом.

Она оборвала разговор и быстро удалилась.

– Не странно ли, что Гейнен во что бы то ни стало хочет направить меня по ложному следу? – задумчиво спросил Фернкорн своего друга.

– Да... очень странно, – рассеянно ответил Сфор. Казалось, мысли его были далеко, и он машинально следил глазами за хозяйкой дома, оживленно говорившей с графом Гейненом в соседней комнате.

– Зачем он это делает? – продолжал капитан.

– Может быть, ревнует ее к тебе.

– Ревнует? По какому праву? На каком основании? Правда, он всегда навязывал свое присутствие баронессе, и она терпела его по каким-то неизвестным мне соображениям. Он очень часто бывал у нее. Ведь он ее двоюродный брат. Одно я знаю наверно – отношения у них были далеко не дружеские. Баронесса не раз мне это говорила и не скрывала, что он ей крайне не симпатичен.

– И все-таки часто его принимала, – заметил Сфор.

– Мета, то есть баронесса, – быстро поправился капитан, – часто давала мне понять, что Гейнен оказал ее семье какую-то важную услугу. Она чувствовала себя очень ему обязанной. Вот причина, почему она терпела его около себя, хотя терпеть его не могла.

– Послушай, Франц, – спросил Сфор, – если дело обстоит таким образом, то почему вы с Гейненом так враждебно относитесь друг к другу?

– Потому что – ох, не люблю я рассказывать старых историй... Я ведь был тогда на маневрах, – таинственно добавил капитан, – и граф знает, что вся история мне в точности известна. Поэтому и ему, и мне одинаково неприятно встречаться. Но все это не объясняет мне, почему...

– Почему баронесса так внезапно уехала? – вслух подумал Сфор.

Капитан с растерянным видом посмотрел на него.

– Что ты говоришь?

– Виноват, я не то хотел сказать... Почему Гейнен дает тебе ложные сведения? Очень просто. Он терпеть тебя не может, и ему неприятны ваши отношения – твои и его кузины. Вот почему он хватается за первую возможность, чтобы помешать тебе продолжать эти отношения.

– Ты думаешь?

– Конечно. Это ясно и вполне логично!

Сфор снова заглянул в соседнюю комнату, где хозяйка, теперь уже одна, стояла у буфета, и проговорил:

– Нам с тобой по дороге. Не хочешь ли выйти вместе?

– Охотно.

Когда друзья подошли к графине Кампобелло, чтобы проститься, она вздрогнула, но тотчас же овладела собой и заставила себя любезно улыбнуться.

– Я по четвергам от шести до восьми бываю дома, господа, – сказала она, – буду очень рада видеть вас у себя как можно скорее.

Молча вышли капитан Фернкорн и барон фон Сфор на улицу и долго шли, не проронив ни слова.

Барон старался объединить в единое целое впечатления сегодняшнего вечера. Мысли его кружились в каком-то беспорядочном вихре, но упорно и неотвязно возвращались все к одному: баронесса Штернбург внезапно покинула Вену на следующий день после совершения убийства. Граф Гейнен всячески старался отвлечь общее внимание от этого обстоятельства, а

графиня Кампобелло даже побледнела, когда при ней назвали девичью фамилию баронессы. Какую связь все это могло иметь?

– Скажи, пожалуйста, Франц, как выглядит баронесса Штернбург?

– Она высокая, очень элегантная и очень красивая женщина, с темными глазами и золотисто-рыжими волосами.

Сфора так и кольнуло в сердце.

– Золотисто-рыжими волосами! – воскликнул он. – Такими же, как у Кампобелло?

– Да, приблизительно. Пожалуй, немного светлей.

– Что она... красит волосы?

Капитан улыбнулся:

– В таких вопросах я не знаток, голубчик. Судя по блеску волос – не думаю. Хотя все может быть. Она просила меня на Рождество достать ей какую-то воду для волос.

– Она называется Fleur d'or и продается у «Зейферта и К^о»? Бутылка стоит сорок крон!

– Ну да. Ты-то откуда это знаешь? – с удивлением спросил капитан.

– Так... простое предположение. Теперь все употребляют это средство.

– Разве? Ну так я покупал для баронессы бутылку Fleur d'or. Это, впрочем, вовсе не доказывает, что она красит волосы. Она, помнится, говорила мне, что это средство служит для мытья головы.

– Какую прическу носит баронесса?

– Ей-богу, не могу объяснить. Я не знаю всех этих дамских названий... Ну, сзади волосы подняты... спереди этакий... волнистый напуск... с боков...

– С боков волосы пышно поднятые, – подсказал Сфор, видя, что капитан затрудняется подобрать подходящие выражения, – много гребенок и маленьких черепаховых пряжек. Да?

– Да, приблизительно. Я помню, что она носит в волосах черепаховые пряжки. Но к чему тебе все это?

– К тому, что я вот уже несколько недель разыскиваю белокурую женщину, которая красит волосы Fleur d'orom и носит черепаховые пряжки в прическе.

– Ага, понимаю. Какое-нибудь любовное приключение, маскарадное знакомство или что-нибудь в этом роде.

– Ты не ошибся.

– И ты думаешь, что... Какой вздор! Она никуда не ходит! Да и вообще, в этом направлении больше не ищи – Мета моя невеста.

– Невеста?!

Сфор машинально несколько раз повторил это слово, в то время как в голове его молнией мелькнула мысль: невеста, и исчезает из Вены, даже не оставив адреса жениху!..

– Да, мы почти обручены. Тебя, вероятно, удивляет, что я не знаю ее адреса? Увы, – вздохнул капитан, – я сам ничего не понимаю и теряюсь в догадках. Все это случилось так быстро и неожиданно. Сам посудите: двенадцатого днем я провожал ее в магазины, где ей нужно было сделать покупки. Вечером у нас было назначено свидание в маскараде – ей хотелось хоть раз в жизни посмотреть, что это за штука маскарад. Я предложил за ней заехать, но она не согласилась и заявила, что встретит меня в десять часов в фойе. Я, конечно, был аккуратен, но ждал я ее напрасно – она не пришла! Пробыло половина одиннадцатого, одиннадцать, наконец, двенадцать, я искал ее в зале, в кулуарах, на галерее – но тщетно. Страшно взволнованный, я поехал к ее дому. Ее комнаты были освещены, и я узнал ее силуэт около окна! Значит, что-то помешало ей приехать. Было двенадцать часов ночи. Зайти к ней в это время я не мог. К тому же я почти совсем успокоился, зная, что она дома и в безопасности. На следующий день я прямо со службы направился к ней, но ее уже не было. Мне удалось узнать, что накануне вечером, часов около восьми, она куда-то выезжала, а в одиннадцать вернулась страшно расстроенная. Говорят, она вела себя как безумная. Тотчас же отдано было приказание уклады-

вать вещи. Всю ночь напролет она проплакала, а в половине седьмого утра уехала. С тех пор я не видел ее и ничего о ней не слышал.

С возрастающим интересом и волнением слушал Сфор слова капитана.

– Не знаешь ли ты, где она была от восьми до одиннадцати? – спросил он, когда другого наконец замолчал.

– Нет. На маскараде ее не было – это я могу сказать наверно. Ее желтое домино лежало нетронутым в ее комнате. Она выехала ровно в восемь часов в костюме для гулянья.

Сфор остановился.

– Ты говоришь – выехала, – сказал он, тщетно стараясь придать своему голосу твердость.

– Разве она держит лошадей?

– Нет, автомобиль.

– Зеленый?

– Да, зеленый автомобиль.

Глава VI

Барон фон Сфор проснулся на следующее утро в весьма подавленном состоянии духа.

К радости, что ему так успешно удалось довести до конца первое порученное ему дело, примешивалось чувство горечи. Было ясно, что дальнейшие действия полиции на основании сведений, доставленных ей им самим, бароном фон Сфором, будут тяжелым ударом для его лучшего друга.

Бедняга Фернкорн! Сфору вспомнилось, как они вместе сидели на школьной скамье, вместе посещали кадетский корпус; позднее, в полку, не раз делили веселые, удалые часы, пока полученная Францем командировка не разлучила их. И надо же было так случиться, чтобы как раз ему суждено было нанести страшную рану другу юности!

Франц любил баронессу. Это видно было из каждого его слова. Он был человеком порядочным и корректным... И его-то счастье должен был разрушить Сфор! В его руках находилась жизнь и судьба двух людей.

Тяжелая борьба происходила в душе Сфора... Дружба советовала ему молчать, чувство долга приказывало говорить. О себе, об обещанной ему карьере он не думал вовсе. Он говорил себе: «Если я не ошибаюсь, то своими показаниями я могу уберечь лучшего друга от рокового, может быть, шага, и со временем он первый будет мне за это благодарен. Если ошибаюсь – то ничьего счастья не нарушаю, а совесть не будет упрекать меня за то, что я равнодушно и молча смотрел, как друг мой вступает на дорогу, которая может привести его к гибели».

Мысль эта рассеяла его сомнения, и он, не колеблясь, поехал в полицейское управление.

Здесь он застал начальника тайной полиции Вурца за оживленной беседой с доктором Шпехтом.

– Ну-с, можно вас поздравить с хорошими вестями?! – обратился Вурц к входившему барону.

– Думаю, что можно. Я напал на след преступника.

Уверенный тон Сфора поверг доктора Шпехта в полнейшее недоумение.

Вурц только слегка усмехнулся:

– Вот как! Ну что же, тем лучше. Рассказывайте, в чем дело.

В коротких словах, не останавливаясь на подробностях и не называя имени своего друга, передал барон впечатления вчерашнего вечера.

Начальник тайной полиции слушал его внимательно, делая пометки в своей записной книжке. Затем он встал, несколько раз с задумчивым видом прошелся по комнате и наконец остановился перед Сфором.

– Так, так. Вы отлично справились с вашим поручением. Боюсь только, что вывод вы сделали не совсем правильный. По-вашему, убийца баронесса Штернбург? Дай вам волю, вы, пожалуй, сейчас же дадите телеграмму в Венецию, чтобы ее арестовали? Так я говорю, а?

– Конечно, так. Ведь описание ее внешности, внезапное бегство, зеленый автомобиль...

– Являются уликами! – перебил его Вурц. – Совершенно верно. Но далеко не достаточными, чтобы на основании их арестовать как убийцу даму из высшего общества. Прежде чем поднять такой шум, а подобный шаг, несомненно, его вызовет, – мы должны внимательно изучить и проверить мельчайшие подробности дела. Главные наши усилия должны быть направлены на выяснение личности убитого. Доктор Шпехт полагает, что это можно сделать двояко: во-первых, подыскать ключ к зашифрованной записке, оставленной покойным, – за этой работой, к сожалению, пока безуспешной, вы нас сейчас застали; во-вторых, погрузив, так сказать, наш взгляд в события последних нескольких лет. Из ваших рассказов о происшествии на королевских маневрах я заключаю, что эта попытка будет иметь успех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.